

85769

ЕВГЕНІЙ
ОНЪГИНЪ,

ГЛАВА IV и V.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1828.

К 1913

ЕВГЕНІЙ ОНЪГИНЪ.

1913

№ 1769

ЕВГЕНІЙ ОНЪГИНЪ,

РОМАНЪ ВЪ СТИХАХЪ.

СОЧИНЕНІЕ

АЛЕКСАНДРА ПУШКИНА.

СПБГ

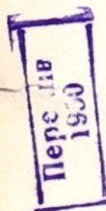
САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ДЕПАРТАМЕНТА НАРОДНАГО
ПРОСВѢЩЕНІЯ.

1828.

18860

1883

ВЪВЕДЕНИЕ

Съ дозволенія Правителъства.

СПЛАН

1883

1883

Въведеніе
къ
Законъ
№ 13-1

ПЕТРУ АЛЕКСАНДРОВИЧУ

ПЛЕТНЕВУ.

1916

*Не мысля гордый свет забавить,
Вниманье дружбы возлюбя,
Хотѣль бы я тебѣ представить
Залогъ достойнѣ тебя,
Достойнѣ души прекрасной,
Святой исполненной мечты,
Поэзіи живой и ясной,
Высокихъ думъ и простоты;
Но такъ и быть — рукою пристрастной
Прими собранье пестрыхъ главъ,
Полу - смѣшныхъ, полу - пегальныхъ,
Простонародныхъ, идеальныхъ,
Небрежный плодъ моихъ забавъ,
Безсонницъ, легкихъ вдохновеній,
Незрѣлыхъ и увядшихъ лѣтъ,
Ума холодныхъ наблюдений
И сердца горестныхъ замѣтъ.*

29 декабря, 1827.

1791C

ЕВГЕНИЙ ОНУГИНЪ.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Далеко
Царь взошел
И встал на
Средь облытых
Разрину, было
Пустой сивки
И

La morale est dans la nature des choses.

NECKER.

ЕВГЕНІЙ ОНѢГИНЪ.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

I. II. III. IV. V. VI.

VII.

Чѣмъ меньше женщину мы любимъ,
Тѣмъ легче нравимся мы ей,
И шѣмъ ее вѣрнѣ губимъ
Средь обольщительныхъ сѣтей.
Развращъ, бывало, хладнокровной
Наукой славился любовной,
Самъ о себѣ вездѣ трубя,
И наслаждаясь не любя.

Но эша важная забава
 Достойна спарыхъ обезьянь
 Хваленыхъ дѣдовскихъ времянь :
 Ловласовъ обвѣшала слава
 Со славой красныхъ каблуковъ
 И величавыхъ париковъ.

VIII.

Кому не скучно лицемѣришь ,
 Различно повшоряшь одно ,
 Спарашься важно въ томъ увѣришь ,
 Въ чемъ всѣ увѣрены давно ,
 Все шѣ же слышашь возраженья ,
 Уничтожашь предразсужденья ,
 Кошорыхъ не было и нѣтъ
 У дѣвочки въ шринадцать лѣтъ !
 Кого не ушомяшь угрозы ,
 Моленья , кляшвы , мнимый страхъ ,

Записки на шести листахъ,
 Обманы, сплешни, кольца, слёзы,
 Надзоры шепокъ, машерей,
 И дружба тяжкая мужей!

IX.

Такъ почно думалъ мой Евгеній.
 Онъ въ первой юности своей
 Былъ жершвой бурныхъ заблуждений
 И необузданныхъ спрасшей.
 Привычкой жизни избалованъ,
 Однимъ навремя очарованъ,
 Разочарованный другимъ,
 Желаньемъ медленно шомимъ,
 Томимъ и въпренымъ успѣхомъ,
 Внимая въ шумъ и въ пиши
 Ропшанье вѣчное души,
 Зѣвошу подавляя смѣхомъ:

Вошь , какъ убиль онъ восемь мѣшь ,
Ушрапя жизни лучшей цвѣшь.

Х.

Въ красавиць онъ ужъ не влюблялся ,
А волочился какъ нибудь ;
Опкажупь , мигомъ ушъшался ;
Измѣняшь , радъ былъ опдохнуть .
Онъ ихъ искалъ безъ упоенья ,
А оставлялъ безъ сожалѣнья ,
Чуть помня ихъ любовь и злосшь .
Такъ почно равнодушный госпъ
На *вистъ* вечерній прѣзжаетъ ,
Садися ; кончилась игра :
Онъ уѣзжаетъ со двора ,
Спокойно дома засыпаетъ ,
И самъ не знаетъ поушру ,
Куда поѣдетъ ввечеру .

XI.

Но , получивъ посланье Тани ,
 Онѣгинь живо пронушь былъ :
 Языкь дѣвическихъ мечпаній
 Въ немъ думы роємъ возмушилъ ;
 И вспомнилъ онъ Тапьяны милой
 И блѣдный цвѣпъ , и видъ унылой ,
 И въ сладоспный , безгрѣшный сонъ
 Душою погрузился онъ .
 Быпъ можеть , чувспвій пыль старинной
 Имъ наминушу овладѣлъ ;
 Но обманушь онъ не хошѣлъ
 Довѣрчивоспъ души невинной .
 Теперь мы въ садъ перелешимъ ,
 Гдѣ встрѣшилась Тапьяна съ нимъ .

XII.

Минушы двѣ они молчали ,
 Но къ ней Онѣгинь подошелъ .

И молвилъ : « вы ко мнѣ писали ,
 « Не опширайтесь. Я прочель
 « Души довѣрчивой признанья ;
 « Любви невинной излиянья ;
 « Мнѣ ваша искренность мила ;
 « Она въ волненье привела
 « Давно умолкнувшія чувства ;
 « Но васъ хвалишь я не хочу ;
 « Я за нее вамъ опплачу
 « Признаньемъ также безъ искусства ;
 « Примите исповѣдь мою :
 « Себя на судъ вамъ опдаю .

ХІІІ.

« Когда бы жизнь домашнимъ кругомъ
 « Я ограничить захотѣлъ ;
 « Когда бь мнѣ быль опцомъ , супругомъ
 « Пріятный жребій повелѣлъ ;

« Когда бь семейственной картиной
 « Пльнился я хошь мигь единой :
 « То вьрно бь кромь вась одной
 « Невьсшы не искаль иной.
 « Скажу безь блеспокь мадригальныхъ :
 « Нашедь мой прежній идеаль,
 « Я вьрно бь вась одну избраль
 « Въ подруги дней моихь печальныхъ,
 « Всего прекраснаго въ залогь,
 « И былъ бы счасливь... сколько могь!

XIV.

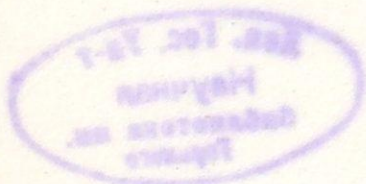
« Но я не создань для блаженства ;
 « Ему чужда душа моя ;
 « Напрасны ваши совершенства ;
 « Ихъ вовсе недостойнъ я.
 « Повьрьше (совьсть въ шомь порукой),
 « Супружесшво намь будешь мукой.

« Я, сколько ни любилъ бы васъ ,
 « Привыкнувъ , разлюблю пошчасъ ;
 « Начнете плакать : ваши слёзы
 « Не пронуть сердца моего ,
 « А будушь лишь бѣсишь его .
 « Судите жъ вы , какія розы
 « Намъ загошовишь Гименей
 « И , можеть бышь , на много дней !

XV.

« Чшо можеть бышь на свѣшъ хуже
 « Семьи , гдѣ бѣдная жена
 « Грустишь о недосшойномъ мужѣ
 « И днемъ и вечеромъ одна ;
 « Гдѣ скучный мужъ , ей цѣну зная
 « (Судьбу однако жъ проклиная) ,
 « Всегда нахмурень , молчаливъ ,
 « Сердишь и холодно - ревнивь !

1889

- « Таковъ я. И того ль искали
 « Вы чистой пламенной душой,
 « Когда съ такою прошлой,
 « Съ такимъ умомъ ко мнѣ писали?
 « Уже ли жребій вамъ такой
 « Назначень спрогою судьбой?

XVI.

- « Мечшамъ и годамъ нѣшь возврапа;
 « Не обновлю души моей. . .
 « Я васъ люблю любовью брата
 « И, можешь бышь, еще нѣжнѣй.
 « Послушайте жь меня безъ гнѣва:
 « Смѣнишь неразъ младая дѣва
 « Мечшами легкія мечшы;
 « Такъ деревцо свои листы
 « Мѣняешь съ каждою весною.
 « Такъ видно Небомъ суждено.

« Полюбите вы снова: но...
 « Учишься властвовать собою;
 « Не всякой васъ, какъ я, поймешь;
 « Къ бѣдѣ неопытность ведешь. »

XVII.

Такъ проповѣдовалъ Евгеній.
 Сквозь слезъ невидя ничего,
 Едва дыша, безъ возраженій,
 Ташьяна слушала его.
 Онъ подаль руку ей. Печально
 (Какъ говоришся, *машинально*)
 Ташьяна, молча, оперлась,
 Головкой помною склонясь,
 Пошла домой вокругъ огорода;
 Явились вмѣстѣ, и никшо
 Не вздумалъ имъ пѣняшь на шо:
 Имѣешь сельская свобода

Свои счастливыя права,
 Какъ и надменная Москва.

XVIII.

Вы согласишься, мой чипашель,
 Что очень мило посшупиль
 Съ печальной Таней нашъ пріятель;
 Не въ первый разъ онъ шупь явиль
 Души прямое благородшво,
 Хотя людей недоброхошшво
 Въ немъ не щадило ничего:
 Враги его, друзья его
 (Что, можешь бышь, одно и шоже)
 Его чеспили шакъ и сякъ.
 Враговъ имѣешь въ мірѣ всякъ,
 Но опъ друзей спаси насъ, Боже!
 Ужь эши мнѣ друзья, друзья!
 Объ нихъ недаромъ вспомнилъ я.

XIX.

А что? Да шакъ. Я усыпляю
 Пустыя, черныя мечшы;
 Я шолько въ скобкахъ замѣчаю,
 Что нѣтъ презрѣнной клеветы,
 На чердакъ вралемъ рожденной
 И свѣтской чернью ободренной,
 Что нѣтъ нелѣпицы шакѡй,
 Ни эпиграммы площадной,
 Кошорой бы вашъ другъ съ улыбкой,
 Въ кругу порядочныхъ людей,
 Безъ всякой злобы и зашѣй,
 Не повшорилъ спокрашъ ошибкой;
 А впрочемъ онъ за васъ горой:
 Онъ васъ шакъ любилъ... какъ родной!

XX.

Гм. гм. Чиншпель благородной,
 Здорова ль ваша вся родня?

Позвольше : можешь бышь , угодно
 Теперь узнашь вамъ ошь меня ,
 Чшо значашь имянно *родные*.
 Родные люди вощь какіе :
 Мы ихъ обязаны ласкашь ,
 Любишь , душевно уважашь
 И , по обычаю народа ,
 О Рождествѣ ихъ навѣщашь ,
 Или по почтѣ поздравляшь ,
 Чшобъ оспальное время года
 Не думали о насъ они...
 И шакъ дай, Богъ, имъ долги дни !

XXI.

За шо любовь красавиць нѣжныхъ
 Надежнѣй дружбы и родства :
 Надъ нею и средь бурь мяшежныхъ
 Вы сохраняеше права.

Конечно такъ. Но вихорь моды,
 Но своенравіе природы,
 Но мнѣнья свѣшскаго попокъ...
 А милый полъ, какъ пухъ, легокъ.
 Къ шому жъ и мнѣнія супруга
 Для добродѣтельной жены
 Всегда почшениы бышь должны;
 Такъ ваша вѣрная подруга
 Бываетъ вмигъ увлечена:
 Любовью шупишь сапана.

XXII.

Кого жъ любипь? Кому же вѣришь?
 Кшо не измѣнишь намъ одинъ?
 Кшо всѣ дѣла, всѣ рѣчи мѣришь
 Услужливо на нашъ аршинъ?
 Кшо клеветы про насъ не съешь?
 Кшо насъ забошливо лелѣешь?

Кому порокъ нашъ не бѣда?
 Кшо не наскучишь никогда?
 Призрака суешный искашель,
 Трудовъ напрасно не губя,
 Любише самага себя,
 Почтенный, милый мой чипашель!
 Предмешь достойный: ничего
 Любезный вѣрно нѣшь его.

XXIII.

Чшо было слѣдспвіемъ свиданья?
 Увы, не шрудно угадашь!
 Любви безумныя шраданья
 Не перешали волновашь
 Младой души, печали жадной;
 Нѣшь, пуще шпрасшью безошрадной
 Ташьяна бѣдная горишь;
 Ея поштели сонъ бѣжишь;

Здоровье, жизни цвѣтъ и сладость,
 Улыбка, дѣвственнѣй покой,
 Пропало все, что звукъ пусшой,
 И меркнешь милой Тани младость:
 Такъ одѣваешь бури шпнь
 Едва раждающійся день.

XXIV.

Увы, Ташьяна увядаешь,
 Блѣднѣешь, гаснешь и молчишь!
 Ничто ее не занимаетъ,
 Ея души не шевелишь.
 Качая важно головою,
 Сосѣды шепчуть межъ собою:
 Пора, пора бы замужь ей!
 Но полно. Надо мнѣ скорѣй
 Развеселишь воображенье
 Карпиной счастливой любви.

Мнѣ грустно, милые мои!
 Меня съснѣешь сожалѣнье;
 Просише мнѣ: я такъ люблю
 Ташьяну милую мою!

XXV.

Чась отъ часу пѣннѣй болѣ
 Красами Ольги молодой,
 Владиміръ сладостной неволѣ
 Предался полною душой.
 Онъ вѣчно съ ней. Въ ея покоѣ
 Они сидяшь впопемкахъ двое;
 Они въ саду, рука съ рукой,
 Гуляюшь ушренней порой;
 И что жъ? Любовью упоенный,
 Въ смященьи нѣжнаго спыда,
 Онъ шолько смѣешъ иногда,
 Улыбкой Ольги ободренный,

Развишымъ локономъ играшь,
Иль край одежды цѣловашь.

XXVI.

Онъ иногда чишаешь Олъ
Нравоучительный романъ,
Въ кошоромъ авпоръ знаешь болъ
Природу, чѣмъ Шашобріанъ;
А между шѣмъ дѣвъ, при спраницы
(Пусшыя бредни, небылицы,
Опасныя для сердца дѣвъ)
Онъ пропускаешь покраснѣвъ.
Уединясь ошъ всѣхъ далѣко,
Они надъ шахмашной доской,
На споль облокошясь, порой
Сидяшь, задумавшись глубоко,
И Ленскій пѣшкою ладью
Берешъ въ разсѣяньи свою.

XXVII.

Поѣдешь ли домой : и дома
 Онъ заняшь Ольгою своею.
 Лепучіе листки альбома
 Прилжно украшаетъ ей :
 То въ нихъ рисуешь сельски виды,
 Надгробный камень, храмъ Киприды,
 Или на лирѣ голубка
 Перомъ и красками слегка ;
 То на листахъ воспоминанья,
 Пониже подписи другихъ,
 Онъ оставляетъ нѣжный стихъ,
 Безмолвный памятникъ мечшанья,
 Мгновенной думы легкой слѣдъ,
 Все пошь же послѣ многихъ лѣтъ.

XXVIII.

Конечно вы неразъ видали
 Уѣздной барышни альбомъ,

Что всё подружки измарали
 Съ конца, съ начала и кругомъ.
 Сюда, на зло правописанью,
 Спихи безъ мѣры, по преданью,
 Въ знакъ дружбы вѣрной внесены,
 Уменьшены, продолжены.
 На первомъ листикѣ встрѣчаешь
 Qu'écritez vous sur ces tablettes;
 И подпись: t. à. v. Annette;
 А на послѣднемъ прочитаешь:
 «Кто любитъ болѣе тебя,
 «Пусть пишетъ далѣе меня.»

XXIX.

Тутъ непременно вы найдете
 Два сердца, факель и цвѣтки;
 Тутъ вѣрно кляшвы вы прочтете
 Въ любви до гробовой доски;

Какой нибудь *пѣить* армейской
 Тушь подмахнуль спишокъ злодѣйской.
 Въ такой альбомъ, мои друзья,
 Признашься, радъ писашь и я,
 Увѣренъ будучи душою,
 Что всякой мой усердный вздоръ
 Заслужишь благосклонный взоръ,
 И что пошомъ съ улыбкой злою
 Не спанушь вѣрно разбирашь,
 Остро ль, иль нѣшь, я могъ соврать.

XXX.

Но вы, разрозненные помы
 Изъ библіошеки чершей,
 Великолѣпные альбомы,
 Мученье модныхъ рѣмачей,
 Вы, украшенные проворно
 Т — кистью чудотворной,

Иль Б— перомъ ,
 Пускай сожжешь васъ Божій громъ !
 Когда блиспашельная дама
 Мнѣ свой in-quarto поднесеть ,
 И дрожь и злосць меня беретъ ,
 И шевелишя эпитаграма
 Во глубинѣ моей души ,
 А мадригалы имъ пиши !

XXXI.

Не мадригалы Ленскій пишешь
 Въ альбомѣ Ольги молодой ;
 Его перо любовью дышешь ,
 Не хладно блещешь оспрошной ;
 Чшо ни замъшишь , ни услышишь
 Объ Ольгѣ , онъ про то и пишешь :
 И полны истины живой
 Текуть элегии рѣкой .

Такъ ты, Я — вдохновенный,
 Въ порывахъ сердца своего,
 Поешь, Богъ въдаешь, кого,
 И сводь элегій драгоценный
 Представишь нѣкогда себѣ
 Всю повесть о твоей судьбѣ.

XXXII.

Но тише! Слышишь? Кричишь спрогой
 Повелѣваешь сбросишь намъ
 Элегіи вѣнокъ убогой,
 И нашей братьѣ риѣмачамъ
 Кричишь: «да переспаньше плакашь,
 «Или одно и поже квакашь,
 «Жальшь о прежнемъ, о быломъ:
 «Довольно, пойше о другомъ!»
 — Ты правъ, и вѣрно намъ укажешь
 Трубу, личину и кинжалъ,

И мысли мерный капиталъ
 Отсюда воскресить прикажешь :
 Не шакъ ли, другъ ? Ничуть. Куда !
 «Пишите оды, господа,

XXXIII.

«Какъ ихъ писали въ мощны годы,
 «Какъ было вспарь заведено. . .»

— Одиъ шоржеспвенный оды!

И, полно, другъ; не все ль правно?

Припомни, что сказалъ саширикъ!

Чужаго толка хитрый лирикъ

Уже ли для себя сносный

Унылыхъ нашихъ риёмачей? —

«Но все въ элегii ничожно;

«Пустая цѣль ея жалка;

«Межъ шѣмъ цѣль оды высока

«И благородна. . .» Тушь бы можно

Поспоришь намъ , но я молчу :

Два вѣка ссоришь не хочу.

XXXIV.

Поклонникъ славы и свободы ,

Въ волненьи бурныхъ думъ своихъ ,

Владиміръ и писалъ бы оды ,

Да Ольга не читала ихъ.

Случалось ли поэтамъ слезнымъ

Читашь въ глаза своимъ любезнымъ

Свои шворенья ? Говоряшь ,

Что въ мірѣ выше нѣтъ награды.

И впрямь , блаженъ любовникъ скромной ,

Читающей мечты свои

Предмету пѣсень и любви ,

Красавицѣ пріяшно-шомной !

Блаженъ . . . хопь , можешь бышь , она

Совсѣмъ инымъ развлечена.

XXXV.

Но я плоды моихъ мечшаній
 И гармоническихъ зашѣй
 Чишаю шолько старой няни,
 Подругъ юности моей,
 Да послѣ скучнаго обѣда
 Ко мнѣ забредшаго сосѣда,
 Поймавъ неждано за полу,
 Душу прагедіей въ углу,
 Или (но эшо кромѣ шушокъ),
 Тоской и риемами помимъ,
 Бродя надъ озеромъ моимъ,
 Пугаю сшадю дикихъ ушокъ:
 Внявъ пѣнью сладкозвучныхъ сшрофъ,
 Онѣ слепаютъ съ береговъ.

XXXVI.

Ужь ихъ далече взоръ мой ищешь...
 А лѣсомъ кравшійся сшрѣлокъ

Поэзію клянеть и свищеть,
 Спуская бережно куроць.
 У всякаго своя охоша,
 Своя любимая забоша:
 Кшо цѣлишь въ ушокъ изъ ружья,
 Кшо бредишь риѣмами, какъ я,
 Кшо бьешь хлопущкой мухъ нахальныхъ,
 Кшо правишь въ замыслахъ шолпой,
 Кшо забавляешься войной,
 Кшо въ чувстввахъ нѣжишься печальныхъ,
 Кшо занимаешься виномъ:
 И благо смѣшано со зломъ.

XXXVII.

А чшожь Онѣгинъ? Кспаши, брашья!
 Терпѣнья вашего прошу:
 Его вседневныя заняшья
 Я вамъ подробно опишу.

Онѣгинь жилъ Анахорешомъ ;
 Въ седьмомъ часу всаваль онъ лѣпомъ
 И ошправлялся налегкѣ
 Къ бѣгущей подь горой рѣкѣ ;
 Пѣвцу Гюльнары подражая ,
 Сей Гелеспоншь переплываль ,
 Пошомъ свой кофе выпиваль ,
 Плохой журналъ перебирая ,
 И одѣвался .

XXXVIII.

XXXIX.

Прогулки , чшенье , сонъ глубокой ,
 Лѣсная шѣнь , журчанье струй ,
 Порой бѣянки черноокой
 Младой и свѣжій поцѣлуй ,

Уздѣ послушный конь репивый,
 Обѣдъ довольно прихотливый,
 Бушылка свѣтлаго вина,
 Уединенье, пишина:
 Вошь жизнь Онѣгина свящая;
 И нечувствительна онъ ей
 Предался, красныхъ лѣшнихъ дней
 Въ безпечной нѣгѣ не снѣшая,
 Забывъ и городъ и друзей
 И скуку праздничныхъ застѣй.

XL.

Но наше сѣверное лѣшо,
 Каррикашура южныхъ зимъ,
 Мелькнешь и нѣшь: извѣстно это,
 Хошь мы признаемся не хопимъ.
 Ужь небо осенью дышало,
 Ужь рѣже солнышко блисало,

Короче спановился день,
 Льсовъ шайнспвенная сѣнь
 Съ печальнымъ шумомъ обнажалась,
 Ложился на поля шумань,
 Гусей крикливыхъ каравань
 Тянулся къ югу: приближалась
 Довольно скучная пора;
 Спояль ноябрь ужь у двора.

XLI.

Вспаешъ заря во мгль холодной;
 На нивахъ шумъ работъ умолкъ;
 Съ своей волчихою голодной
 Выходишь на дорогу волкъ;
 Его почуя, конь дорожный
 Храпашъ — и пушникъ оспорожный
 Несешся въ гору во весь духъ;
 На ушренней зарѣ пасшухъ

Не гонишь ужь коровь изъ хлѣва,
 И въ часъ полуденный въ кружокъ
 Ихъ не зовешь его рожокъ;
 Въ избушкѣ распѣвая, дѣва
 Прядешь, и, зимнихъ другъ ночей,
 Трещишь лучинка передъ ней.

XLII.

И вопшь уже прещашь морозы
 И серебряшя средь полей...
 (Чипашель ждешь ужь рюмы: *розы*;
 На, вопшь возми ее скорѣй!)
 Опряшишь моднаго паркеша,
 Блиспаешь рѣчка, льдомъ одѣша.
 Мальчишекъ радосный народъ
 Коньками звучно рѣжешь лёдъ;
 На красныхъ лапкахъ гусь сяжелый,
 Задумавъ плышь по лону водъ,

Спускаешь бережно на лёд,
 Скользишь и падаешь; веселый
 Мелькаешь, вьешься первый снѣгъ,
 Звѣздами падая на брегъ.

XLIII.

Въ глуши что дѣлать въ эту пору?
 Гуляшь? Деревня пойдѣ порой
 Невольно докучаешь взору
 Однообразной нагошой.
 Скакашь верхомъ въ степи суровой?
 Но конь, пришпуненной подковой
 Невѣрный зацѣпляя лёдъ,
 Того и жди, что упадешь.
 Сиди подъ кровлею пустынной,
 Чишай: вошь Прадшъ, вошь W. Scott!
 Не хочешь? Повѣрай разходъ,
 Сердись, или пей, и вечеръ длинной

Кой - какъ пройдетъ, и завтра пожь,
И славно зиму проведёшь.

XLIV.

Прямымъ Онѣгинъ Чильдъ Гарольдомъ
Вдался въ задумчивую мѣнь:
Со сна садится въ ванну со льдомъ,
И послѣ, дома цѣлый день,
Одинъ, въ расчески погруженный,
Тупымъ кіемъ вооруженный,
Онъ на бильярдъ въ два шара
Играешь съ самага упра.
Настанетъ вечеръ деревенскій:
Бильярдъ оставлень, кій забытъ,
Передъ каминомъ споль накрытъ,
Евгеній ждешь; вошь ѣдетъ Ленскій
На шройкъ чалыхъ лошадей:
Давай обѣдашь поскорѣй!

XLV.

Вдовы Клико или Моэша
 Благословенное вино
 Въ бушылкѣ мерзлой для поэта
 На споль пошчасъ принесено.
 Оно сверкаешъ Ипокрепой;
 Оно своей игрой и пьной
 (Подобіемъ шого - сего)
 Меня плѣняло: за него
 Послѣдній бѣдный лепшъ, бывало,
 Даваль я, помнише ль, друзья?
 Его волшебная спруя
 Раждала глупосшей не мало,
 А сколько шупокъ и спиховъ
 И споровъ и веселыхъ сновъ!

XLVI.

Но измѣняешъ пьной шумной
 Оно желудку моему,

И я *бордо* благоразумной
 Ужь нынче предпочель ему.
 Къ *ан* я больше не способенъ;
Ан любовницъ подобень
 Блещащей, въшреной, живой,
 И своенравной, и пусшой...
 Но ты, *бордо*, подобень другу,
 Кошорый, въ горь и бѣдѣ,
 Товарищъ всегда вездѣ,
 Гоповь намъ оказашь услугу,
 Иль шихой раздѣлишь досугъ.
 Да здравшвуешь *бордо* нашъ другъ!

XLVII.

Огонь пошухъ; едва золою
 Подернушь уголь золошой;
 Едва замѣшною спруёю
 Віешся парь, и шенлошой

Каминь чухъ дышешъ. Дымъ изъ шрубокъ
 Въ шрубу уходитъ. Свѣшлый кубокъ
 Еще шипишь среди спола.
 Вечерняя находишь мгла. . .

(Люблю я дружескія враки
 И дружескій бакаль вина
 Порою шой, что названа
 Пора межъ волка и собаки,
 А почему, не вижу я.)
 Теперь бесѣдуюшь друзья :

XLVIII.

« Ну, что сосѣдки? Чшо Ташьяна?
 Чшо Ольга рѣзвая швоя? »
 — Налей еще мнѣ полшпакана. . .
 Довольно, милый. . . Вся семья
 Здорова; кланяшья вельми.
 Ахъ, милый, какъ похорошѣли

У Ольги плечи, что за грудь!
 Что за душа!... Когда нибудь
 Задемь къ нимъ; ты ихъ обяжешь;
 А то, топ сеч, суди ты самъ:
 Два раза заглянулъ, а шамъ
 Ужь къ нимъ и носу не покажешь.
 Да вошь... какой же я болванъ!
 Ты къ нимъ на шой недѣль званъ. —

XLIX.

«Я?» — Да, Ташьяны имянины
 Въ суббошу. Олинъка и машъ
 Велѣли звань, и нѣшь причины
 Тебѣ на зовъ не прѣзжашъ. —
 «Но куча будешъ шамъ народу
 И всякаго шакаго сброду...»
 — И, никого, увѣрень я!
 Кшо будешъ шамъ? своя семья.

Побдемъ, сдѣлай одолженъе!
 Ну чшожь? — «Согласенъ.» Какъ шы милъ!
 При сихъ словахъ онъ осушилъ
 Спаканъ, сосѣдкѣ приношенъе,
 Попомъ разговорился вновъ
 Про Ольгу: шакова любовь.

L.

Онъ весель бьмъ. Чрезъ двѣ недѣли
 Назначенъ бьмъ счасшливый срокъ.
 И пайна брачныя постели
 И сладосшной любви вѣнокъ
 Его воспорговъ ожидами.
 Гимена хлопошы, печали,
 Завѣшы хладная чреда
 Ему не снились никогда.
 Межь шѣмъ какъ мы, враги Гимена,
 Въ домашней жизни зримъ одинъ

Рядъ ушомисельныхъ каршинъ,
 Романъ во вкусъ Лафоншена...
 Мой бѣдный Ленскій, сердцемъ онъ
 Для оной жизни былъ рождёнъ.

II.

Онъ былъ любимъ... по крайней мѣрѣ
 Такъ думалъ онъ, и былъ счастливъ.
 Спокрашъ блаженъ, кшо, въ шеплой вѣрѣ
 Холодный умъ угомонивъ,
 Покоишся въ сердечной нѣгѣ,
 Какъ пьяный пушникъ на ночлегъ,
 Или, нѣжнѣй, какъ мопылёкъ,
 Въ весенній впившійся цвѣшокъ;
 Но жалокъ шопъ, кшо все предвидишь,
 Чья не кружишся голова,
 Кшо всѣ движенья, всѣ слова
 Въ ихъ переводѣ ненавидишь,

Чье сердце опышь оспудилъ

И забываешься запретишь!

СЛОВА

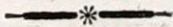
ГЛАВА ПЯТАЯ.

О, не знай сихъ страшныхъ сновъ,
Ты, моя Свѣплана!

Жуковскій.

ЕВГЕНІЙ ОНЪГИНЪ.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

I.

Вь пошь годъ осенняя погода
Спояла долго на дворъ,
Зимы ждала, ждала природа.
Снѣгъ выпалъ полько въ январѣ
На трешье въ ночь. Проснувшись рано,
Въ окно увидѣла Ташьяна,
Поушру побѣлвшій дворъ,
Куршины, кровли и заборъ,

На спеклахъ легкіе узоры,
Деревя въ зимнемъ серебрѣ,
Сорокъ веселыхъ на дворѣ
И мягко успанныя горы
Зимы блистательнымъ ковромъ.
Все ярко, все бѣло кругомъ.

II.

Зима!... Крестьянинъ торжествуя
На дровняхъ обновляетъ пушь;
Его лошадка, снѣгъ почуя,
Плещется рысью какъ нибудь;
Бразды пушистыя взрывая,
Лешишь кибичка удалая;
Ямщикъ сидитъ на облучкѣ
Въ шулуѣ, въ красномъ кушакѣ.
Вошь бѣгаетъ дворовый мальчикъ,
Въ салазки жужку посадивъ,

Себя въ коня преобразивъ;
 Шалунь ужъ заморозилъ пальчикъ:
 Ему и больно и смѣшно,
 А машъ грозилъ ему въ окно...

III.

Но, можешь быть, шакаго рода
 Каршины васъ не привлекутъ:
 Все это низкая природа;
 Изящнаго немного шупъ.
 Согрѣшый вдохновенья богомъ,
 Другой поэтъ роскошнымъ слогомъ
 Живописалъ намъ первый снѣгъ
 И всѣ опшѣнки зимнихъ нѣтъ:
 Онъ васъ плѣнилъ, я въ шомъ увѣренъ,
 Рисуя въ пламенныхъ стихахъ
 Прогулки шайныя въ саняхъ;
 Но я боролся не намѣренъ

Ни съ нимъ покамѣсть, ни съ шобой,
Пѣвецъ Финляндки молодой!

IV.

Тапьяна (Руская душою,
Сама не зная, почему)
Съ ея холодною красою
Любила рускую зиму,
На солнць иній въ день морозной,
И сани, и зарю поздной
Сіянье розовыхъ снѣговъ,
И мглу крещенскихъ вечеровъ.
По старинѣ торжествовали
Въ ихъ домѣ эши вечера:
Служанки со всего двора
Про барышень своихъ гадали
И пмь сулили каждый годъ
Мужей военныхъ и походъ.

V.

Ташьяна вѣрила преданьямъ
 Проспонародной сшарины,
 И снамъ, и каршочнымъ гаданьямъ,
 И предсказаніямъ луны.

Ее шревожили примѣшы;
 Таиншвенно ей всѣ предметы
 Провозглашали что нибудь,
 Предчувствія шѣсили грудь.
 Жеманный ль кошъ, на печкѣ сядя,
 Мурлыча, лапкой рыльцо мыль:
 То несомнѣнный знакъ ей былъ,
 Что ѣдушъ госши. Вдругъ увидя
 Младой двурогой ликъ луны
 На небѣ съ лѣвой стороны,

VI.

Она дрожала и блѣднѣла.
 Когда жъ падачая звѣзда

По небу шемному лешъла
И разсыпалася; шогда
Въ смяшенъи Таня шоропилася,
Пока звѣзда еще кашилася,
Желанье сердца ей шепнуть.
Когда случалось гдѣ нибудь
Ей встрѣшишь добраго монаха,
Иль быспрый заяць межъ полей
Перебѣгалъ дорогу ей;
Не зная, что начашь со шраха,
Предчувствый горешныхъ полна,
Ждала несчасья ужъ она.

VII.

Чшожь? Тайну прелесь находила
И въ самомъ ужасѣ она:
Такъ насъ природа сошворила,
Къ прошиворѣчю склонна.

Наспали свѣпки. То-шо радость!
 Гадаешъ въпренная младость,
 Кошорой ничего не жаль,
 Передъ кошорой жизни даль
 Лежишь свѣпла, необозрима;
 Гадаешъ спарость сквозь очки
 У гробовой своей доски,
 Все поперявь невозвращимо;
 И все равно: надежда имъ
 Лжешъ дѣшскимъ лепешомъ своимъ.

VIII.

Тапьяна любопытнымъ взоромъ
 На воскъ попопленный глядишь:
 Онъ чудно - вылишымъ узоромъ
 Ей чшо - шо чудное гласишь;
 Изъ блюда, полного водою,
 Выходяшь кольца чередою;

И вынулось колечко ей
 Подъ пѣсенку старинныхъ дней :
 « Тамъ мужики - то все богаты ;
 « Гребутъ лопатой серебро ;
 « Кому поемъ , тому добро
 « И слава ! » Но сулишь упраты
 Сей пѣсни жалоспный напѣвъ ;
 Милѣй кошурка сердцу дѣвъ .

IX.

Морозна ночь ; все небо ясно ;
 Свѣшилъ небесныхъ дивный хоръ
 Течешь шакъ шихо , шакъ согласно . . .
 Тапьяна на широкій дворъ
 Въ ошкрыпомъ плапыцѣ выходишь ,
 На мѣсяцъ зеркало наводишь ;
 Но въ шемномъ зеркалѣ одна
 Дрожишь печальная луна . . .

Чу... снѣгъ хрустипь... прохожій; дѣва
 Къ нему на цыпочкахъ слешипь
 И голосокъ ея звучипь,
 Нѣжнѣй свирѣльнаго нагѣва:
Какъ ваше имя? Смошрипъ онъ
 И отвѣчаешъ: Агаеонъ.

X.

Ташьяна, по совѣшу няни,
 Сбираешъ ночью ворожипь,
 Тихонько приказала въ бани
 На два прибора шполь накрыпъ;
 Но спало спрашно вдругъ Ташьянъ...
 И я — при мысли о Свѣшланъ
 Мнѣ спало спрашно — пакъ и быпъ...
 Съ Ташьяной намъ не ворожипь.
 Ташьяна поясокъ шелковой
 Сняла, раздѣлась и въ постель

Легла. Надъ нею вьется Лель,
 А подъ подушкою пуховой
 Дѣвичье зеркало лежишь.
 Ушихло все. Тапьяна спишь.

XI.

И снился чудный сонъ Тапьянѣ.
 Ей снился, будшо бы она
 Идешь по снѣговой полянѣ,
 Печальной мглой окружена;
 Въ сугробахъ снѣжныхъ передъ нею
 Шумишь, клубишь волной своею
 Кипучій, шемный и съдой
 Пошокъ, не скованный зимой;
 Двѣ жердочки, склеены льдиной,
 Дрожащій, гибельный моспокъ,
 Положены черезъ пошокъ:
 И предъ шумящею пучиной,

Недоумѣнія полна ,
Остановилася она.

ХII.

Какъ на досадную разлуку ,
Ташьяна ропщешь на ручей ;
Не видишь никого , кшо руку
Съ шой стороны подалъ бы ей ;
Но вдругъ сугробъ зашевелился ,
И кшожь изъ - подъ него явился ?
Большой взерошенный медвѣдь ;
Ташьяна *ахъ* , а онъ ревѣшь ,
И лапу съ оспрыми когтями
Ей пропянулъ ; она скрѣпясь
Дрожащей ручкой оперлась
И боязливими шагами
Перебралась черезъ ручей ;
Пошла — и чшожь ? медвѣдь за ней.

XIII.

Она, взглянушь назадъ не смѣя ;
 Поспѣшный ускоряешь шагъ ;
 Но ошь космашаго лакея
 Не можешь убѣждать никакъ ;
 Кряхтя, валишь медвѣдь несносный ;
 Предъ ними лѣсъ ; недвижны сосны
 Въ своей нахмуренной красѣ ;
 Опягчены ихъ вѣшви всѣ
 Клоками снѣга ; сквозь вершины
 Осинь , березь и липь нагихъ
 Сіяешь лучь свѣшилъ ночныхъ ;
 Дороги нѣшь ; кусты, спремнины
 Мяшелю всѣ занесены,
 Глубоко въ снѣгъ погружены.

XIV.

Ташьяна въ лѣсъ ; медвѣдь за нею ;
 Снѣгъ рыхлой поколѣно ей ;

То длинный сукъ ее за шею
 Зацѣпишь вдругъ, по изъ ушей
 Злапыя серги вырвешь силой;
 То въ хрупкомъ снѣгѣ съ ножки милой
 Увязнешь мокрой башмачокъ;
 То выронишь она плашокъ;
 Подняшь ей нѣкогда; боишься,
 Медвѣдя слышишь за собой,
 И даже шрепешной рукой
 Одежды край подняшь спыдишься;
 Она бѣжишь, онъ все вослѣдъ;
 И силъ бѣжашь ей нѣшь.

XV.

Упала въ снѣгъ; медвѣдь проворно
 Ее подъемлеть и несеть;
 Она безчувшвенно - покорна,
 Не шевелишься, не дохнешь;

Онъ мчишь ее лѣсной дорогой ;
 Вдругъ межъ деревъ шалашъ убогой ;
 Кругомъ все глушь ; опшвсюду онъ
 Пуспыннымъ снѣгомъ занесёнъ ,
 И ярко свѣшпшся окошко ,
 И въ шалашъ ужасный шумъ ;
 Медвѣдь промолвилъ : *здѣсь мой кумъ ;*
Погрѣйся у него немножко ;
 И въ сѣни прямо онъ идешь ,
 И на порогъ ее кладешь .

XVI.

Опомнилась, глядишь Тапьяна :
 Медвѣдя нѣшь ; она въ сѣняхъ ;
 За дверью крикъ и звонъ спакана ,
 Какъ на большихъ похоронахъ ;
 Не видя шупъ ни капли шолку ,
 Глядишь она шихонько въ щёлку ,

И что же! видишь... за споломъ
 Сидяшь чудовища кругомъ;
 Одинъ въ рогахъ съ собачьей мордой,
 Другой съ пѣпущей головой,
 Здѣсь вѣдьма съ козьей бородой,
 Тупъ шевелился хоботъ гордой,
 Тамъ карла съ хвостикомъ, а вошь
 Полу-журавль и полу-кошъ.

XVII.

Тамъ суешливый ежъ въ ливрѣ,
 Тамъ ракъ верхомъ на паукъ,
 Тамъ черепъ на гусиной шеѣ
 Вершился въ красномъ колпакѣ,
 Тамъ мѣльница въ мундирѣ пляшетъ
 И крыльями прещишь и машетъ;
 Визгъ, хохотъ, свистъ и хлопъ,
 Людская молвь и конской попь!

Но что подумала Ташьяна,
 Когда узнала межъ гостей
 Того, кто миль и спрашенъ ей,
 Героя нашего романа!
 Онъгинь за споломъ сидишь
 И въ дверь украдкою глядишь.

XVIII.

Онъ знакъ подасъ: и всѣ хлопочушь;
 Онъ пьешъ: всѣ пьюшь и всѣ кричаешь;
 Онъ засмѣлся: всѣ хохочушь;
 Нахмуришь брови: всѣ молчаешь;
 Онъ шамъ хозяинъ, эшо ясно:
 И Танъ ужъ не такъ ужасно,
 И любопытная щеперь
 Немного расшворила дверь...
 Вдругъ въперъ дунуль, загашая
 Огонь свѣщильниковъ ночныхъ:

Смушилась шайка домовыхъ ;
 Онѣгинь, взорами сверкая ,
 Изъ - за сшюла гремя всшашь ;
 Всѣ всшали : онъ къ дверямъ идешь .

XIX.

И спрашно ей ; и шоропливо
 Ташьяна сшлшсь бѣжашь :
 Нельзя никакъ ; нешерпѣливо
 Мешаясь , хочешь закричашь :
 Не можешь ; дверь шолкнуль Евгенийъ :
 И взорамъ адскихъ привидѣній
 Явилась дѣва ; ярый смѣхъ
 Раздался дико ; очи всѣхъ ,
 Копыша , хобошы кривые ,
 Хвосты , хохлашы клыки ,
 Усы , кровавы языки ,
 Рога и пальцы косяные ,

Все указуешь на нее,
И всё кричаешь: мое! мое!

XX.

Мое! сказалъ Евгенийъ грозно,
И шайка вся сокрылась вдругъ;
Оспалась во шмѣ морозной
Младая дѣва съ нимъ самъ - другъ;
Онѣгинъ тихо увлекаешь
Ташьяну въ уголь и слагаешь
Ее на шашкую скамью
И клонишь голову свою
Къ ней на плечо; вдругъ Ольга входить,
За нею милой; свѣшь блеснулъ;
Онѣгинъ руку замахнулъ
И дико онъ очами бродить,
И незванныхъ гостей бранить:
Ташьяна чупъ жива лежишь.

XXI.

Споръ громче, громче : вдругъ Евгений
 Хвашаешь длинный ножъ, и вмигъ
 Повержень Ленскій ; спрашно шни
 Сгусшились ; несперпимый крикъ
 Раздался... хижина шашнулась...
 И Таня въ ужасъ проснулась...
 Глядишь, ужъ въ комнашъ свѣшло ;
 Въ окнѣ сквозъ мерзлое стекло
 Зари багряный лучъ играетъ ;
 Дверь опворилась. Ольга къ ней,
 Авроры съверной алѣй
 И легче ласпочки, влепаетъ ;
 Ну, говоришь : скажи жъ шы мнѣ,
 Кого шы видѣла во снѣ ?

XXII.

Но ша, сеспры не замѣчая,
 Въ посшелъ съ книгою лежишь,

За лиспомъ лиспъ перебирая ,
 И ничего не говоришь .
 Хошь не являла книга эша
 Ни сладкихъ вымысловъ поэта ,
 Ни мудрыхъ истинь , ни картинъ ;
 Но ни Виргилій , ни Расинь ,
 Ни Скопшь , ни Байронъ , ни Сенека ,
 Ни даже дамскихъ модъ журналъ
 Такъ никого не занималъ :
 То былъ , друзья , Маршынъ Задека ,
 Глава халдейскихъ мудрецовъ ,
 Гадашель , шолковашель сновъ .

XXIII.

Сіе глубокое шворенье
 Завѣсь кочующій купецъ .
 Однажды къ нимъ въ уединенье
 И для Ташьяны наконецъ

Его съ разрозненной *Мальвиной*
 Онъ уснушилъ за шри съ полшиной,
 Въ придачу взявъ еще за нихъ
 Собрание басень площадныхъ,
 Граммашику, двѣ Пешриады,
 Да Мармоншея преній шомъ.
 Маршынь Задека сшаль пошомъ
 Любимецъ Тани... Онъ ошрады
 Во всѣхъ печаляхъ ей даришь
 И безошлучно съ нею спишь.

XXIV.

Ее шревожишь сновидѣнье.
 Не зная, какъ его поняшь,
 Мечшанья спрашнаго значенье
 Ташьяна хочешь ошыскашь.
 Ташьяна въ оглавленьи крашеомъ
 Находишь азбучнымъ порядкомъ

Слова: борь, буря, воронь, ель,
 Ежь, мракъ, моспокъ, медвѣдь, мяшель
 И прочая. Ея сомнѣній
 Маршынъ Задека не рѣшишь;
 Но сонъ зловѣщій ей сулишь
 Печальныхъ много приключеній.
 Дней нѣсколько она попомъ
 Все безпокоилась о помъ.

XXV.

Но вошь багряною рукою
 Заря опъ упреннихъ долинъ
 Выводишь съ солнцемъ за собою
 Веселый праздникъ именинъ.
 Съ упра домъ Лариной гостями
 Весь полонъ; цѣлыми семьями
 Сосѣды съѣхались въ возкахъ,
 Въ кибикахъ, въ бричкахъ и въ саняхъ.

Въ передней полкошня , шревога ;
 Въ гостинной встрѣча новыхъ лицъ ,
 Лай мосекъ , чвоканье дѣвиць ,
 Шумъ , хохощъ , давка у порога ,
 Поклоны , шарканье гостей ,
 Кормлицъ крикъ и плачь дѣшей .

XXVI.

Съ своей супругою дородной
 Приѣхалъ полешый Пустяковъ ;
 Гвоздинъ , хозяинъ превосходной ,
 Владѣлецъ нищихъ мужиковъ ;
 Скопинины , чепа сѣдая ,
 Съ дѣшми всѣхъ возрашовъ , счишая
 Опъ тридцати до двухъ годовъ ;
 Уѣздный франшикъ Пѣпушковъ ;
 Мой братель двоюродный Буяновъ ,
 Въ пуху , въ карпузѣ съ козырькомъ

(Какъ вамъ конечно онъ знакомъ),
 И опсшавный совѣшникъ Фляновъ,
 Тяжелый сплешникъ, сшарый плушь,
 Обжора, взящочникъ и шушь.

XXVII.

Съ семьей Панфила Хорликова
 Приѣхаль и мосье Трике,
 Оспрякъ, недавно изъ Тамбова,
 Въ очкахъ и въ рыжемъ парикѣ.
 Какъ испинный Французъ, въ карманѣ
 Трике привезъ куплешъ Ташьянѣ
 На голосъ, знаемый дѣшми:
 Reveillez vous, belle endormie.
 Межъ вешкихъ пѣсень альманаха
 Быль напечатанъ сей куплешъ;
 Трике, догадливый поэшъ,
 Его на свѣшь явилъ изъ праха

И смѣло вмѣсто belle Nina
 Поставилъ belle Tatiana.

XXVIII.

И вопъ изъ ближняго посада
 Созрѣвшихъ барышень кумирь,
 Уздныхъ машушекъ опрада,
 Пріѣхаль рошный командиръ;
 Вошелъ. . . Ахъ, новость, да какая!
 Музыка будешь полковая!
 Полковникъ самъ ее послалъ.
 Какая радость: будешь балъ!
 Дѣвчонки прыгають заранѣ;
 Но кушашь подали. Чешой
 Идушъ за споль рука съ рукой.
 Тѣсняся барышни къ Ташьянѣ;
 Мушины прошивъ: и крешяся
 Толпа жужжишь за споль садясь.

XXIX.

Намигъ умолкли разговоры ;
Успа жуюшь. Со всѣхъ споронь
Гремятъ шарелки и приборы ,
Да рюмокъ раздаеся звонъ.
Но вскорѣ госпи понемногу
Подъемлють общую шревогу.
Никшо не слушаесть , кричасть ,
Смѣюся , споряшь и пищасть.
Вдругъ двери насшежь. Ленскій входить
И съ нимъ Онѣгинь. « Ахъ , Творецъ !
Кричишь хозяйка , наконецъ ! »
Тѣсняеся госпи , всякъ опводишь
Приборы , спулья поскорѣй ;
Зовушь , сажаюшь двухъ друзей.

XXX.

Сажаюшь прямо прошивъ Тани ,
И , упренней луны блѣднѣй

И шрепешнѣй гонимой лани,
 Она шемнѣющихъ очей
 Не подымаешъ : пышешъ бурно
 Въ ней шайный жарь ; ей душно , дурно ;
 Она привѣшешвій двухъ друзей
 Не слышишь ; слезы изъ очей
 Хошашъ ужъ капашъ ; ужъ голова
 Бѣдняжка въ обморокъ упашъ :
 Но воля и разсудка влашъ
 Превозмогли. Она два слова
 Сквозь зубы молвила шишкомъ
 И усидѣла за споломъ.

XXXI.

Траги - нервическихъ явленій,
 Дѣвичьихъ обмороковъ , слезъ
 Давно шерпѣшь не могъ Евгений :
 Довольно ихъ онъ перенесъ.

Чудаць, полавъ на пирь огромной,
 Ужь былъ сердитъ. Но, дѣвы помной
 Замѣпя шрепетный порывъ,
 Съ досады взоры опушивъ,
 Надулся онъ, и негодуя
 Покаялся Ленскаго взбѣсивъ
 И ужъ порядкомъ опомшивъ.
 Теперь, заранъ шоржешвуя,
 Онъ спалъ чершивъ въ душѣ своей
 Каррикашуры всѣхъ гостей.

XXXII.

Конечно не одинъ Евгений
 Смяшенъе Тани видѣшь могъ;
 Но цѣлью взоровъ и суждений
 Въ шо время жирный былъ пирогъ
 (Къ несчастію, пересоленной);
 Да вошь въ бушылкѣ засмоленной,

Между жаркимъ и блан - манже,
 Цимлянское несутъ уже;
 За нимъ спрой рюмокъ узкихъ, длинныхъ,
 Подобныхъ шалии швоей,
 Зизи, кристаль души моей,
 Предмешъ стиховъ моихъ невинныхъ,
 Любви приманчивый фіяль,
 Ты, ошъ кого я пьянь бываль!

XXXIII.

Освободясь ошъ пробки влажной,
 Бушылка хлопнула; вино
 Шипить; и вошъ съ осанкой важной,
 Куплешомъ мучимый давно,
 Трике вспаешъ; предъ нимъ собранье
 Хранишъ глубокое молчанье.
 Ташьяна чущъ жива; Трике,
 Къ ней обращайъ съ листомъ въ рукъ,

Запѣлъ фальшивя. Плески, клики
 Его привѣщивуюшь. Она
 Пѣвцу присѣсть принуждена ;
 Поэсть же скромный, хопь великій,
 Ея здоровье первый пѣсть
 И ей куплеть передаеть.

XXXIV.

Пошли привѣшы, поздравленья ;
 Тапьяна всѣхъ благодарить.
 Когда же дѣло до Евгенья
 Дошло ; по дѣвы помный видъ,
 Ея смущеніе, успалось
 Въ его душѣ родили жалось :
 Онъ молча поклонился ей,
 Но какъ - то взоръ его очей
 Былъ чудно нѣженъ. Опъ шого ли,
 Чшо онъ и вправду пронуть былъ,

Иль онъ; кокетствуя, шалиль,
 Невольно ль, иль изъ доброй воли,
 Но взоръ сей нѣжностью изъявилъ:
 Онъ сердце Тани оживилъ.

XXXV.

Гремятъ опдвинутые стулья;
 Толпа въ госпиную валишь:
 Таеъ пчель изъ лакомага улья
 На ниву шумный рой лешиль.
 Довольный праздничнымъ обѣдомъ,
 Сосѣдъ сопитъ передъ сосѣдомъ;
 Подсѣли дамы въ комельку;
 Дѣвицы шепчуть въ уголку;
 Сполы зеленые раскрышы:
 Зовущъ задорныхъ игроковъ
 Боспонъ и ломберъ спариковъ,
 И висеть донбѣ знаменитый,

Однообразная семья,
 Вся жадной скуки сыновья.

XXXVI.

Ужъ восемь робершовъ сыграли
 Герои висша; восемь разъ
 Они мѣспа перемѣняли;
 И чай несущъ. Люблю я часъ
 Опредѣляшь обѣдомъ, чаемъ
 И ужиномъ. Мы время знаемъ
 Въ деревнѣ безъ большихъ суешъ:
 Желудокъ — вѣрный нашъ брегешъ;
 И кшапи я замѣчу въ скобкахъ,
 Чшо рѣчь веду въ моихъ спрофахъ
 Я споль же часшо о пирахъ,
 О разныхъ кушаньяхъ и пробкахъ,
 Какъ пы, божеспвенный Омиръ,
 Ты, придцаша вѣковъ кумиръ!

Сто льшь еще не перестанешь
 Казнишь Фригійскій бѣдный край,
 Хошь вокруг почтеннаго Приама
 Собранье сшариковъ Пергама,
 Ее завидя, вновь рѣшишь:
 Правъ Менелай, и правъ Паридь.
 Чшо жь до сраженій, то немного
 Я попрошу васъ подождать:
 Извольше далье чипать;
 Начала не судише спрого;
 Сраженье будешь. Не болгу,
 Честное слово дашь могу.

XXXIX.

Но чай несуть: двѣицы чинно
 Едва за блюдечки взялись,
 Вдругъ изъ - за двери въ залъ длинной
 Фагошь и флейша раздались.

Обрадованъ музыки громомъ,
 Оставя чашку чаю съ ромомъ,
 Парись окружныхъ городковъ,
 Подходишь къ Ольгѣ Пышубовъ,
 Къ Ташьянѣ Ленскій, Харликову,
 Невѣспу переспѣлыхъ дѣшъ,
 Берешь Тамбовскій мой поѣшъ,
 Умчалъ Буяновъ Пусшякову,
 И въ залу высыпали всѣ,
 И балъ блещишь во всей красѣ.

XI.

Въ началѣ моего романа
 (Смотрише первую пепрадь)
 Хотѣлось въ родѣ мнѣ Альбана
 Балъ Пешербургскій описашъ;
 Но, развлечень пусшымъ мечшаньемъ,
 Я занялся воспоминаньемъ

О ножкахъ мнѣ знакомыхъ дамъ,
 По вашимъ узенькимъ слѣдамъ,
 О ножки, полно заблуждаюсь!
 Съ измѣной юности моей
 Пора мнѣ сдѣлаться умнѣй,
 Въ дѣлахъ, и въ слогѣ поправляясь,
 И эшу пѣшую пѣтрадь
 Опъ опступленій очищать.

XLI.

Однообразный и безумный,
 Какъ вихорь жизни молодой,
 Кружишься вальса вихорь шумный;
 Чеша мелькаешь за чешой,
 Къ минушѣ мщенья приближаясь,
 Онѣгинь, вшайнѣ усмѣхаясь,
 Подходишь къ Ольгѣ. Быстро съ ней
 Вершишься около гостей,

Потомъ на стуль ея сажаетъ ,
 Заводишь рѣчь о шомъ , о сѣмъ ;
 Спустия минушы двѣ , потомъ
 Вновь съ нею вальсъ онъ продолжаетъ ;
 Всѣ въ изумленьи. Ленскій самъ
 Не вѣришь собственнымъ глазамъ .

XLII.

Мазурка раздалась. Бывало ,
 Когда гремѣлъ мазурки громъ ,
 Въ огромной залѣ все дрожало ,
 Паркешъ прещаль подъ каблучкомъ ,
 Тряслися , дребезжали рамы ;
 Теперь не шо : и мы , какъ дамы ,
 Скользимъ по лаковымъ доскамъ .
 Но въ городахъ , по деревнямъ ,
 Еще мазурка сохранила
 Первоначальныя красы :

Припрыжки, каблуки, усы
 Все шже; ихъ не измѣнила
 Лхая мода, намъ пирань,
 Недугъ новѣйшихъ Россiань.

XLIII.

Подковы, шпоры Пѣшушкова
 (Канцелярiша опсшавнаго)
 Спучашь; Буянова каблукъ
 Такъ и ломашь полъ вокругъ;
 Трескъ, шопощь, грохощь по порядку:
 Чѣмъ дальше въ лѣсъ, шѣмъ больше дровъ;
 Теперь пошло на молодцовъ;
 Пусшились, шодько не въ присядку.

Ахъ, легче, легче: каблукы
 Отдавать дамскіе носки!

XLIV.

Буяновъ, брашець мой задорный,
 Къ герою нашему подвель
 Ташьяну съ Ольгою: проворный
 Онѣгинь съ Ольгою пошелъ;
 Ведешь ее, скользя небрежно,
 И наклонясь ей шепчешь нѣжно
 Какой - то пошлый мадригаль,
 И руку жмешь — и запыхалъ
 Въ ея лицѣ самолюбивомъ
 Румянецъ ярче. Ленскій мой
 Все видѣлъ: вспыхнулъ, самъ не свой;
 Въ негодованіи ревнивомъ
 Поэтъ конца мазурки ждешь
 И въ кошпильонъ ее зовешь.

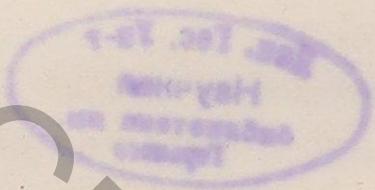
XLV.

Но ей нельзя. Нельзя? Но что же?
Да Ольга слово ужь дала
Онѣгину. О Боже, Боже!
Что слышишь онъ? Она могла...
Возможно ль? Чуть лишь изъ пеленокъ,
Кожешка, въшренный ребенокъ!
Ужь хитросць вѣдаешь она,
Ужь измѣняшь научена!
Не въ силахъ Ленскій снесць удара;
Проказы женскія кляня,
Выходишь, пребуешь коня
И скачешь. Писполешовъ пара,
Двѣ пули — больше ничего —
Какъ разъ рѣшають судьбу его.

Примѣч. На 48 стран., въ 13 стихѣ
ошибкой напечатано *завѣты* вмѣсто *звѣ-*
соты.

Всего в 1913 году
всего в 1913 году
всего в 1913 году

1913

У 1913

[75p]

1916

УДК 62

Продается въ С. Петербургѣ
во всѣхъ книжныхъ лавкахъ, по
десяти рублей за экземпляръ.
За пересылку въ другіе города
прилагается 80 копейкъ.